

Д. А. Дегтерев,

доктор пол. наук, к. э. н., профессор

ОТ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» К СУВЕРЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКЕ НЕЗАПАДНОГО МИРА: РОЛЬ БРИКС

Одним из инструментов гегемонии «Коллективного Запада» является контроль над «механизмами формирования и распространения знаний» – так называемой четвертой структурной властью первого уровня по Сьюзан Стрэндж, основателю международной политической экономии¹. Под структурной силой (*structural power*) она понимала власть создавать свои «правила игры», по которым действуют другие, в том числе, и не в последнюю очередь – профессора вузов по всему миру. При этом данный элемент структурной власти, по ее мнению, такой же важный, как и три других (безопасность, производство и финансы).

В феврале 2023 г. Объединенный комитет начальников штабов США представил Совместную концепцию конкуренции (*Joint Concept for Competing*), где отразил пространства международной конкуренции², которые условно делятся на четыре основных группы: географические, доменные, тематические и когнитивные. Под когнитивными подразумеваются следующие сферы: идеология, образование, информация и инновации. Под тематическими – формирование глобальной повестки по следующим темам: глобальный порядок, международные рынки, климат, гуманитарная безопасность, медицина, технологии и экстремизм.

¹ *Strange S. States and markets. London: Continuum, 1994. P. 119-138.*

² *Joint Concept for Competing. Joint Chiefs of Staff document. February 10, 2023. P. 13. URL: <https://news.usni.org/2023/03/09/pentagons-joint-concept-for-competing> (accessed: 15.02.2024)*

Важную роль контроля за распространением знаний подчеркивают и представители критических теорий. Например, Й. Галтунг говорит о формировании «ложного сознания» и «умении подавлять свои собственные подлинные интересы (, что) может быть основной частью социализации в целом и образования в частности»³. О культурном империализме и гегемонистском контроле над дискурсом пишет А. Грамши⁴.

По сравнению с другими элементами структурной власти, контроль над механизмами распространения знаний, пожалуй, самый неочевидный, поскольку знания неосязаемы. И тем не менее, можно выделить основные элементы структурной силы и гегемонистских иерархий «Коллективного Запада» в этой сфере и обозначить основные пути наращивания соответствующего незападного потенциала в контексте развития БРИКС.

В заголовке данного доклада вынесен нарратив «провинциальной науки», который блестяще описан в работе двух антропологов из Санкт-Петербурга М. Соколова и К. Титаева под названием «Провинциальная и туземная наука»⁵. Тем, кто еще не знаком с данной работой, настоятельно рекомендую это сделать! Авторам удалось в очень тонкой и ироничной форме этнографического наблюдения по сути высмеять наиболее острые недостатки как «провинциальной», так и «туземной науки».

Под первой они понимают тех исследователей, дискурс которых вторичен по отношению к «столичному», причем «столичным» для большинства наук до Второй мировой войны являлась Германия, а после – США и Великобритания, с короткой «вспышкой» «столичности» Парижа в

³ *Galtung J.* A Structural Theory of Imperialism // *Journal of Peace Research*. 1971. 8 (02). P. 82.

⁴ *Грамши А.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. Тюремные тетради. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 565 с.

⁵ *Соколов М., Титаев К.* Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. 2013. № 19. С. 239-275

1960-1980-е гг. Рискну предположить, что по окончании «властного транзита»⁶, после кардинальных международных трансформаций, интеллектуальная «столица» мира сменится в очередной раз... По словам М. Соколова и К. Титаева, «для провинциальной науки именно посещение интеллектуальных салонов метрополии является основным маркером статуса»⁷. В цене также формальные «признаки личной близости к столичной науке» – длительные «столичные» стажировки и командировки, «культ ... физических визитов столичных знаменитостей» и др.⁸ При этом отмечается «хронический дефицит важности, которую ее представители придают работе друг друга»⁹. В самом деле, зачем, ведь «соседи по цеху» - это «провинциалы»!

Другая крайность – это т.н. «туземная наука», предполагающая «постоянное вытеснение факта существования столичной науки»¹⁰ и усиление тенденции к регионализации и национализации научной коммуникации. При этом, в условиях инфраструктурно обусловленной изоляции признаются только локальные авторы, высока доля самоцитирований, обилие наукообразной лексики, многие исследователи что называется «варятся в собственном соку», нет надежных механизмов верификации научных знаний. Применительно к контексту БРИКС здесь можно отметить и незначительную долю исследований от общемировой, выходящих на соответствующих языках – это к сожалению, касается и русского, и португальского (для Бразилии), и арабского, и амхарского. Т.е. тут важен эффект масштаба, наличия международных научных коммуникаций незападного мира, которую могут сформировать структуры БРИКС.

⁶ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США - КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. 21 (02). С. 210-231.

⁷ Соколов М., Титаев К., 2013. С. 254.

⁸ Соколов М., Титаев К., 2013. С. 257.

⁹ Соколов М., Титаев К., 2013. С. 252.

¹⁰ Соколов М., Титаев К., 2013. С. 259.

Существующая международная научная среда достаточно иерархична, для нее характерны центр-периферийные отношения, причем к сожалению, в 1990-е гг. наша страна усиливала свою периферийность, а другие страны-члены БРИКС делали не всегда успешные попытки по преодолению данной периферийности. При этом страны так называемого «Центра» сегодня уже не являются лидерами по целому ряду критически важных технологий, их обгоняют, например, КНР и Российская Федерация.

Однако их «центральность» обусловлена не только объективными факторами, т.е. уровнем развития научных исследований в той или иной сфере, но и самой конфигурацией сети, системы международного академического сотрудничества. В сложившейся системе основная часть контактов идет через «Центр», через журналы, конференции, профессиональные ассоциации, библиометрические индексы «Центра».

«Властный транзит» (от западных стран к незападным), начало СВО, ближневосточный конфликт и другие события последних трех лет ставят под вопрос всю архитектуру гегемонистской «пирамиды» распространения «столичных» знаний, ведь «верхние этажи» вышеупомянутых иерархий занимают представители недружественных стран.

Более того, между западным и незападным миром развиваются процессы так называемого «декаплинга» (т.е. разрыва). Наиболее всего данное явление получило развитие в технологической сфере, также активно развивается в экономической сфере, в политической, где формируются конкурирующие международные институты с похожим

функционалом¹¹. Но происходит и фрагментация глобального информационного, и шире – ценностного¹² и академического пространства

И, пожалуй, впервые в постсоветской истории столь остро встает вопрос формирования суверенных общественных знаний. В естественно-научной среде роль нормативного (т.е. идеологического) фактора ниже и так остро данная проблема не стоит. Кроме того, стоит задача частичной переориентации сети международного сотрудничества, формирования прямых научных связей стран БРИКС, замыкание их на незападную научную инфраструктуру.

Важно при этом не впадать в уже описанные крайности как «провинциальной», так и «туземной» науки. Требуется хорошо владеть зарубежным (западным и незападным) дискурсом, иметь его не только адаптировать, но и при необходимости – аргументировано деконструировать, предлагать альтернативные смыслы¹³. Даже западных эксперты давно признают, что у западных стран нет эксклюзива на современность, существует «множественная модерность» - российская, китайская, турецкая и т.д.¹⁴

Не надо бояться выдвигать альтернативные общественные концепции, ведь конкуренция – это именно то, что двигает науку! Если вдруг «единственно правильная концепция» окажется ошибочной, то альтернативы ей просто не будет¹⁵ [Переслегин 2017: 63-64]. Не стоит

¹¹ Clark R. Pool or Duel? Cooperation and Competition Among International Organizations // International Organization. 2021. 75 (04). P.1133-1153.

¹² Дегтерев Д.А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022.22 (02). С. 352-371.

¹³ Лункин Р.Н., Гу Хо Ом., Дегтерев Д.А., Клемешев А.П., Кузнецова Т.Ю., Федоров Г.М. Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Часть 2. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. 16 (04). С. 428-436.

¹⁴ Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. 129 (01). P. 1-29.

¹⁵ Переслегин С.Б. Эффект «чужого поля»: российская наука в англо-саксонском когнитивном пространстве // Экономические стратегии. 2017. № 8. С. 63-64.

бояться конкурировать в доминирующей в сегодняшней науке англоязычной среде. Но для этого необходимо иметь свои элементы структурной силы, а именно ведущие научные журналы, выходящие одновременно и на русском, и на английском, и на китайском языках, языках других стран БРИКС, и главное – мощные издательские холдинги, публикации в которых должны стать *sin qua non* для любой серьезной научной или образовательной программы. Необходимо сопряжение библиометрических систем стран БРИКС. У нас это РИНЦ, есть попытки создать другие системы. У КНР – это CNKI (China National Knowledge Infrastructure), у арабских стран – это Al Manhal.

По факту, на сегодня уже идет «ползучее» признание журналов друг друга. Например, многие российские журналы начали индексироваться в CNKI, соответственно, многие китайские авторы стали с бОльшим интересом в них публиковаться, ведь это стало засчитываться в их показателях научной результативности. С похожими предложениями к нам обращаются, например, коллеги из ЮАР, из других стран Африки.

Однако здесь необходимы более системные меры. Не должно быть чистой симметрии, но **по всем основным элементам структурной силы «Коллективного запада» в сфере формирования и распространения знаний должны появиться соответствующие серьезные незападные инструменты, в т.ч. на базе БРИКС.** Причем между западными и незападными издательствами, журналами вполне может развиваться здоровая конкуренция. Это лишь будет двигать вперед глобальную академическую науку! Главное – преодолеть асимметричные взаимозависимости (по Р. Кохейну и Дж. Наю¹⁶) – когда мы зависим от публикаций в западных издательствах, которые приобрели по сути квази-глобальный характер, а они никак не зависят от нашей структурной власти

¹⁶ Keohane R., Nye S. Power and Interdependence. N.Y.: Longman, 2012.

в данной сфере, которая пока находится на начальном этапе формирования.

Совместными усилиями незападные страны – члены БРИКС могут сделать многое в сфере совместного развития общественной науки, при этом ключевую роль может сыграть Россия как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава», обладающая уникальными возможностями для «культурной триангуляции»¹⁷, т.е. обобщения опыта стран и народов Европы, Азии, Африки, что признают и зарубежные эксперты¹⁸.

¹⁷ Концепция внешней политики РФ, 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 21.02.2024).

¹⁸ Mine Y. The Global Demographic Change and Africa–Asia Relations: Beyond Big Power Summits. In: A.M.Vasiliev, D.A. Degterev, T.M. Shaw (eds) Africa and the Formation of the New System of International Relations. Vol. II. Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-pandemic World. Palgrave Macmillan; Cham, 2023. P. 48-49.